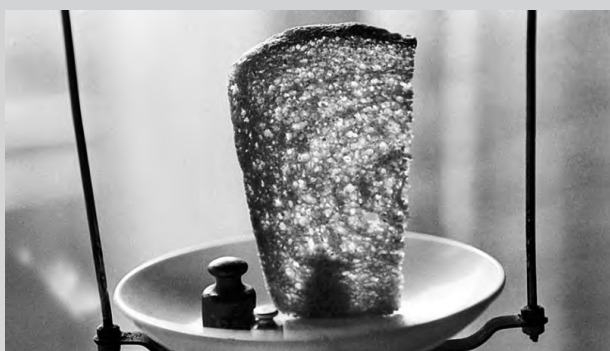

Три голоса из блокады. Три свидетельства. Три ответа на вопрос - кто выживал, а кто нет.
Первые два фрагмента достаточно обычные. А вот третий поражает и переворачивает душу. И актуален сегодня.
Особенно – в пост. Пост в блокаду – возможно ли это? Оказывается, возможно! И понимаешь, что выжить в тех нечеловеческих условиях возможно было, как и во все трудные времена, только имея любовь к Богу и ближним...

О ПОСТЕ, БЛОКАДЕ И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

ЧУДО И ЛЮБОВЬ

...Меня часто спрашивают: «Как удалось выжить в блокаду?» И действительно, как? Ведь 125 граммов хлеба – да и хлебом-то этот вязкий черный комочек не назовешь – и вода из талого снега, – всё это уже за пределами человеческого существования.

Вспоминая то время позже и оценивая события уже будучи взрослым человеком, я пришла к убеждению, что несколько раз в самый тяжёлый момент жизни, когда казалось, что это уже «конец», нас выручал случай. И, конечно, рядом была мама, благодаря характеру которой мы с братом выжили в ту страшную блокадную зиму.

...Ночью она позвала меня. Я села на край кровати и смотрела на лицо, почти неузнаваемое, старческое: глубоко провалившиеся глаза, обтянутые землистой кожей скулы. А ведь было маме в ту пору всего тридцать три года. Она сказала мне очень тихо:

– Ты уже большая и должна сделать всё, как я велю. Одень Вову потеплее, и идите на улицу. Там обратишься к дружинникам, они помогут вам добраться до Ладожской дороги. Мне уже не подняться, а вы, может, Бог даст, и переправитесь на тот берег, живы останетесь. Обо мне не беспокойся. Ирина заходит...

Я спокойно выслушала маму и пообещала сделать всё, как она велела. И опять не было никакого страха. Полное оупение.

И вот случай. В эту ночь раздался стук в дверь. И хотя не было заперто, я вышла в переднюю, чтобы открыть. На пороге стоял отец. При свете коптилки, да опухшую и укутанную в платки, он меня не узнал:

– Простите, тут жила моя семья...

– Папа, это же я.

Он ничего не мог говорить. Прижал меня к себе и еле слышно прошептал: «А мама? Вовка?»

Понял всё, когда зашел на кухню. Не раздеваясь, пробыв всего несколько минут, он сказал: «Я сейчас быстро вернусь. Подождите, мои дорогие». И побежал вниз по лестнице. Действительно, вернулся быстро, под утро, когда начинался рассвет, и не с пустыми руками. Он привёз из части по тем временам «царский» паёк: буханку хлеба, галеты, кулёчек пшённой крупы, сахар, кусок мяса. А главное – лекарство для мамы – бактериофаг, которое тогда ценилось на вес золота. Оно останавливало расстройство желудка у людей, умирающих от голода на последней стадии.

Потом мы узнали, как вместе со взводом папа попал в окружение. Воевал в партизанском отряде. Потом пробирались в Ленинград по Синявинским болотам. Всё было заминировано, и они ползли от одного трупа до другого, чтобы не подорваться. И добрались до Ленинграда.

Папа был уверен, что мы уехали в Алма-Ату. Он отпросился на два часа в город, чтобы взять кое-какие вещи и посмотреть почту. Ему дали машину.

Так мы и встретились.

Вернувшись в часть той же ночью, он рассказал, в каком состоянии семья. И ему помогали.

...Маме сразу дали лекарство, а через некоторое время – сладкий чай с кусочком галеты. Она пришла в себя. Мы с братом впервые за много дней съели по куску настоящего хлеба.

Жизнь наша, висевшая на волоске, была спасена.

Г.Глухова

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВРАЧА

Рукописный дневник, который ленинградский врач вела в блокадном городе, за 66 лет после окончания

войны не был опубликован. Более того, о нём могли бы так и не узнать — он оказался выброшенным на помойку и его чудом спасли.

22.02.42 ...В Ленинграде почти все по-прежнему. Через пять дней — 6 месяцев блокады. Что будет дальше, сказать трудно. Но начали усиленно говорить о необходимости наведения чистоты в квартирах и дворах. Что творится на улицах Ленинграда — это уму непостижимо. Наш домик обложен испражнениями со всех сторон. И так всюду. В каждой квартире выделена одна комната, в которой вместе с буржуйкой ютятся все обитатели квартиры. Копоть, грязь ужасающая! Тётя Роза живет в одной комнате с семьёй брата — 3 человека. Очень стеснена. В комнате темно, грязно, и она никак не напоминает светлый, чистый кабинет. Между прочим, в той семье есть мальчик 13 с половиной лет. Он почти просвечивается, бледность его лица переходит в желтизну. Мы с ним разговорились. "Мы получаем 1100 граммов хлеба,— говорит он,— но это очень мало. Мне всегда хочется кушать, даже после еды". За завтраком он расплакался. Оказалось, плакал он потому, что отец его съел на один кусочек хлеба больше, чем он... А вот ещё картинка из цикла "отцы и дети". Розина приятельница, врач, придя домой, застала такую картину: её 15-летний сын бил по голове своего отца за то, что тот съел лишний блинчик. А другой врач из муфты своей жены украл её дневной рацион хлеба.

Патологоанатом профессор Д. говорит, что печень человека, умершего от истощения, очень невкусна, но, будучи смешанной с мозгами, она очень вкусна. Откуда он знает?

Он же утверждает, что случаи продажи человеческого мяса участились. Один его друг пригласил его якобы на ужин, угостил на славу на второй день после смерти своей жены...

Тюшенька, я многократно собиралась тебе написать о Хасане, но все как-то не выходило. Нет больше чудесного Хасана, съели его. Его все время очень берегли, ни за что на улицу не выпускали, но вот однажды вечером он все-таки выскочил и уже больше не вернулся... О том, что едят котов, и даже своих котов, говорят совершенно открыто. А вот лаборантка больницы Куйбышева съела 12 крыс (подопытных). Увидев ужас на лице слушающего, она говорит: "Я им сделала много реакций и совершенно убеждена, что они были здоровы". Должно быть, и моих морских свинок съели...

Я помню, какое было счастье, когда больным стали выдавать дополнительный паек N 1 и N 2. Это был кусочек шоколада, омлет, кофе и ещё что-то. Как постепенно эти живые мертвецы стали оживать. Но очень большие мужчины все-таки умирали. А некоторые умирали по собственной глупости — всё продавали. Умер у меня один повар. У него на всё была установлена такса: каша — 30 рублей, кусочек шоколада — 25 рублей и так далее. А когда он умер, у него под подушкой нашли 1600 рублей, и не знали даже, куда их отослать...

ВЕЛИКИЙ ПОСТ. БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД, 1942Г.

Об этом сложно писать. И читать это сложно. Фрагмент из книги «Великий пост. Чтение на каждый день»

«Дорогой Лизочек, наконец предоставляется возможность написать тебе всё более подробно, чем раньше... Все очень голодают. Борис Васильевич и Мария Петровна, да и все питаются главным образом комбикормом и тем, что смогут достать. За это время умерло много людей... <...>

Жили мы всю зиму исключительно на то, что Лида продавала наш белый хлеб на рынке, и на эти деньги покупала пшеницу стаканами на два дня. Теперь хлеба белого стали давать только 100 граммов на

карточку. На этом выгадывать очень трудно. Словом, Лида — мученица, но благодаря её трудам мы лучше чувствуем себя.

Я уже не имею того звериного голода, какой был прошлой осенью и зимой, когда я готова была есть из помойки, могу теперь терпеть голод и спокойно уже смотрю на хлеб. В связи с этим стали уже приходить мысли о посте.

Хочу с тобой поделиться опытом своим в этом отношении. В прошлый Великий пост решила я отделять раз в день от своего кусочка хлеба маленькую дольку, может быть граммов 15–20, для нищих. Этому последовал потом Женя, так что эти кусочки мы могли подать случающимся нищим. Главная трудность была не в том, что голодно после: такой крошкой всё равно не наешься, но трудность сделать именно так, как решила.

Нечто вроде, но несколько иначе я проделала в Петровский. И видела в этом для себя большую пользу. Душа встаёт в какое-то положение трудящейся, бодрствующей, трезвящейся, и так как это трудно, то она чаще прибегает к сердечной просьбе и мольбе к Господу о помощи, чтобы выдержать, не сдать.

От частой сердечной молитвы пробуждается сознание и ощущение вездеприсутствия Божия. Вот так всё одно за другое цепляется, а начинается с такого маленького и, казалось бы, ничтожного. Не говорю уже о том, что когда переешь, то омрачение какое-то находит на душу, отяжеление, трудно молиться.

Фото Д. М. Трахтенберга «Зенитчики на страже Ленинградского неба», октябрь 1941

Вот почему, наверное, все святые так крепко держались за воздержание в пище: оно ведь ведёт к воздержанию и в слове, и во взгляде, и во всем другом. Душа не может оставаться на одном месте, она, как говорит епископ Феофан, приснодвижна и, преодолев одно препятствие, ей уже хочется преодолевать ещё и ещё что-нибудь.

Заметила, что очень хорошо брать на себя что-нибудь на определённый отрезок времени, например на неделю, на две или на пост и т. д.

Помнишь, и святые ведь тоже, предпринимая что-либо, предпринимали на время: на год, на три года и т. д. Опасность тут та: можно удариться в сухое подвижничество, забыв о главном — о любви и милосердии, при нашем жестоком и сухом сердце это очень легко, но надо помнить об этом всегда, это всё только средства, так сказать кисти и краски, которыми надо писать портрет души, а не самый портрет.

Когда почувствуешь, в чём тут дело, можно оставить одно и взять другое, особенно, например: не говорить лишнего или слушать терпеливо, не досадуя на болтовню другого, или не говорить, например, о пороках других, каковы бы они ни были, и т. п.

Это будет прямо учить любви. Душа почувствует — и не может не почувствовать пользы ото всего этого — и потянется сама вослед Креста Христова, по стопам Господа. <...>

1942 год».

Из письма Марии Николаевны Соколовой // Никифорова А. Ю. Живое предание XX века.

